

текаръ драматической труппы). Вечеромъ сѣли за карты. *) Хозяинъ, не принимавшій участія въ игрѣ, сидѣлъ возлѣ Кузьмы Васильевича, которому, на грѣхъ, въ тотъ вечеръ необыкновенно *везло*: что ни сдача, то у него или «бардадымы», или «фалька». Наконецъ, все обратили вниманіе и начали высказывать удивленіе такому счастью, а Григорій Васильевичъ и вздумай, смѣха ради, подшутить надъ своимъ другомъ:

— Что-жъ удивительнаго, сказалъ онъ, когда «бардадымы» и «фалька» обрѣтаются у Кузьмы на колѣняхъ: любую беретъ, которую захочетъ...

Едва успѣлъ онъ проговорить, какъ полетѣлъ со стула отъ *пощечины*, данной ему Кузьмою Васильевичемъ...

Гости все были поражены, а хозяинъ, зарывавъ какъ ребенокъ, выбѣжалъ изъ комнаты. Кузьма Васильевичъ, блѣдный какъ полотно, трясся всемъ тѣломъ и, тяжело дыша, отдувался...

Но, когда первое впечатлѣніе нѣсколько улеглось, гости очнулись и все единогласно начали порицать поступокъ Кузьмы Васильевича; онъ не возражалъ, а съ опущенною головою; стоя посреди комнаты, съ покорностью выслушивалъ общіе упреки. Затѣмъ, обратясь ко всемъ, взволнованнымъ голосомъ спросилъ:

— Братцы! Чѣмъ я могу загладить такую подлость?!

— Просить прощенія у оскорбленнаго, отвѣчали ему.

— Нѣтъ, этого мало! проговорилъ, какъ-бы про себя, Кузьма Васильевичъ и отправился отыскивать хозяина,

*) Тогда между актерами была въ модѣ весьма неартистическая игра, известная подъ названіемъ: „три листа“ („подъкаретная“ тоже); впоследствии она замѣнилась болѣе цивилизованными играми: „ланкнехтомъ“ и „банкомъ“.

котораго и нашель въ самой задней комнатѣ, на диванѣ, уткнувшимся лицомъ въ подушку, продолжающаго горько плакать. Кузьма Васильевичъ, опустился на колѣни, проговорилъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы искренняго раскаянія:

— Григорій, прости меня!..

— Богъ тебя проститъ! отвѣчалъ тотъ, поднявшись и отирая глаза. Но, признаюсь, Кузьма, не ожидалъ, началъ было онъ, но снова хлынувшія слезы помѣшали ему окончить.

— Прости!.. прости!.. молилъ Кузьма Васильевичъ, по смуглому лицу котораго также катились крупныя слезы.

— Богъ проститъ! повторилъ обиженный.

— И ты, ты самъ тоже прости меня, сказалъ Кузьма Васильевичъ, протягивая руку.

— Прощаю! отвѣчалъ тотъ, не подавая, однако-жь, руки.

— Прощаешь, а руки не подаешь, проговорилъ извиняющійся сердитымъ тономъ.

Рука ему была подана. Онъ продолжалъ:

— Если прощаешь чистосердечно, по христіански, такъ поцѣлуй меня.

Обиженный медлилъ, а обидчикъ, очевидно, начиналъ терять терпѣніе: лице его блѣднѣло, а голосъ, мало по малу, возвышался.

— Цѣлуй-же!... закричалъ онъ. Послѣдовали три горячихъ поцѣлуя, послѣ чего Кузьма Васильевичъ произнесъ торжественно:

— А что-бъ вполне доказать, что ты забылъ обиду, бей меня въ рожу!

— Вотъ еще выдумалъ! возразилъ удивившійся Григорій Васильевичъ.

— Бей со всей силы, если прощаешь искренно! нетерпеливо кричал Кузьма Васильевичъ.

— Сума ты сошелъ?!..

— Бей, или худо будетъ!... приставалъ тотъ внѣ себя, вытянувъ шею и подставляя лице.

— Убирайся! отвѣчалъ Григорій Васильевичъ, почти успокоившійся.

— Не хочешь! съ пѣною у рта рычалъ Кузьма Васильевичъ.

— Разумѣется, не хочу...

— Не хочешь?!.. Такъ вотъ-же тебѣ!

И... вторая пощечина опрокинула на диванъ несчастнаго имявинника...

Тутъ произошло то, что не только свидѣтели, но и самъ оскорбленный, не выдержали и... расхохотались.

Замѣчательнъ, какъ актеръ, но еще больше, какъ чело-вѣкъ, былъ Петръ Алексѣевичъ Смирновъ. Замѣчательнъ тѣмъ, что сумѣлъ погубить не только свою карьеру, но и самую жизнь.

Хотя онъ былъ выпущенъ изъ училища въ драматическую трупу, но первый его дебютъ состоялся въ оперѣ: «Швейцарская хижина». Дебютъ былъ не только удачный, но вполне блистательный. Дебютантъ, какъ исполнениемъ роли, такъ и своей наружностью, произвелъ на публику пріятнѣйшее впечатленіе. (Петръ Алексѣевичъ былъ высокаго роста, правильнаго сложенія, лице имѣлъ очень красивое, манеры благородныя. Однимъ словомъ: на сценѣ былъ совершеннымъ красавцемъ). Затѣмъ, играя въ драмахъ молодыхъ людей, онъ все болѣе и болѣе нравился публикѣ.

Къ несчастію, какъ оказалось на дѣлѣ, Петръ Алексѣевичъ, имѣя талантъ, вовсе не имѣлъ призванія къ

сценическому искусству, сдѣлался-же актеромъ единственно потому, что въ дѣтствѣ былъ *отданъ въ театральное училище*, изъ котораго *выпущенъ въ драматическую труппу*, и потому смотрѣлъ на искусство, какъ *на службу и средство къ жизни*, и волей-неволей долженъ былъ посвящать себя искусству потому, что другой какой-либо профессіи—по собственному призванію—посвятить себя не имѣлъ возможности *).

Прошло нѣсколько лѣтъ, и онъ началъ примѣтно манкировать своею *службою*: сталъ очень часто *рапортоваться* *большимъ*, и показывался на сценѣ не болѣе раза въ два и три мѣсяца. Таковыя его дѣйствія хотя и замѣчались начальствомъ, но терпѣлись, такъ какъ тогда директоромъ театровъ былъ Александръ Михайловичъ Геденовъ, человѣкъ необыкновенно добрѣйшей души, который смотрѣлъ на воспитанниковъ театрального училища (и по поступленіи ихъ на службу) не иначе, какъ на своихъ дѣтей.

По смерти В. А. Каратыгина, П. А. Смирновъ былъ потребованъ къ его превосходительству г. директору, отъ котораго выслушалъ отеческую нотацію, съ приличною головомойкою, за лѣнь и невниманіе къ службѣ, или къ собственной своей участи. Нотація заключилась такими словами:

— Полно дурачиться!.. развѣ ты хочешь всегда оставаться на этомъ жалованьи?.. **) Богъ далъ тебѣ талантъ, такъ не зарывай его... займись дѣломъ, карьера предстоить тебѣ отличная: я приказалъ Каратыгина репер-

*) Не одинъ Петръ Алексѣевичъ, но и многіе изъ актеровъ посвящали себя искусству *по неволѣ*, какъ-бы по рекрутской повинности.

**) П. А. С. получалъ 800 или 900 руб. въ годъ.

туарь передать тебѣ. Такъ не шали-же!.. Съ Богомъ! Принимайся за дѣло!..

Каждому другому актеру послѣ этого ничего-бы не оставалось желать. Не входя въ разсужденіе о томъ: сможетъ-ли онъ исполнять передаваемый ему репертуаръ, или нѣтъ, онъ убѣдился-бы въ одномъ, что карьера его сдѣлана— такъ рѣшило начальство. Счастливцу ничего не оставалось-бы, какъ *ковать желѣзо, покуда горячо*, т. е. получать прибавки къ жалованью, поспектакльную плату и бенефисы, не тревожа себя вопросомъ: раздѣляется-ли публика мнѣніе начальства о его сценической дѣятельности?

Но съ Петромъ Алексѣвичемъ случилось не такъ,— онъ не сумѣлъ ковать желѣзо... Ему послали одну изъ каратыгинскихъ ролей, съ увѣдомленіемъ: *приготовить* къ такому-то времени. Время пришло, назначается репетиція, а отъ Петра Алексѣвича присылается извѣщеніе: «что, по причинѣ болѣзни, роль приготовлена имъ быть не могла»...

Петра Алексѣвича снова приглашаютъ къ г. директору: снова читается ему нотація, а затѣмъ дается отсрочка на приготовленіе роли, которая, однако-же, къ извѣстному времени опять «по болѣзни не могла быть приготовлена»...

Бились, бились съ Петромъ Алексѣвичемъ, и, наконецъ, оставя его въ покоѣ, на каратыгинскія роли перевели изъ Москвы Леонида Львовича Леонидова.

Между тѣмъ, Петръ Алексѣвичъ окончательно оставилъ сцену. Послѣдніе года службы онъ *не ходилъ «съ рапорта большыхъ»* *), дотянувъ, такимъ образомъ, до урочнаго

*) Хотя, по правиламъ „театрального уложенія“, актеру, рапортующемуся больнымъ долѣ одного мѣсяца, производство жалованья прекращается; по причинѣ-же болѣе долгой болѣзни онъ, можетъ быть, вовсе уволенъ отъ службы, однако, по добро-

двдцатаго года; сдѣлавшись пенсіонеромъ, онъ окончательно *застылъ дома*, т. е. *застылъ* въ полномъ смыслѣ слова: не выходя ни шагу за порогъ, такъ что совершенно отвыкъ отъ внѣшняго воздуха и не могъ выносить его вліянія: при выходѣ на улицу, съ нимъ стали дѣлаться обмороки. Нѣкоторые изъ товарищей задумали, было, посѣщать его, но, замѣтя, что онъ тяготится ихъ визитами, прекратили свои посѣщенія...

Между прочимъ, они заставляли Петра Алексѣевича не въ полномъ одиночествѣ, но всегда въ обществѣ трехъ, или четырехъ не слишкомъ представительныхъ дамъ, которыя распоряжались, какъ *у себя, уощеніемъ*, находящимся всегда на столѣ. Самъ-же хозяинъ (уже не прежній красавецъ: лице его сдѣбалось сине-багровымъ, черные какъ смоль волосы, отпущенные до плечъ, и густая, окладистая борода посѣдѣли болѣе чѣмъ на половину), въ блузѣ и шароварахъ, прохаживался по комнатѣ, съ длиннымъ *арапникомъ* въ рукѣ, который служилъ ему, по личному заявленію, «для укрощенія его звѣринца», или «для водворенія порядка въ сералѣ»...

Такимъ-то образомъ влачилась жизнь честнѣйшаго и благороднѣйшаго, но, къ несчастію, апатичнаго ко всему Петра Алексѣевича, влачилась до одной роковой ночи, въ которую окончилась отъ апоплексическаго удара.

Съ молоду, Петръ Алексѣевичъ имѣлъ пристрастіе къ охотѣ, къ которой, однакожъ, впоследствии также остылъ. Знакомствъ внѣ театральнаго міра не имѣлъ и не искалъ; съ товарищами былъ хорошъ одинаково со всѣми, но ви-

тѣ директора А. М. Гедеонова, въ продолженіи двадцатипятилѣтняго управленія его театрами, эти параграфы „уложенія“ на практикѣ ни разу не прилагались.

дался съ ними лишь *по казенной надобности*—въ театрѣ. Особенное, какъ казалось, расположеніе онъ имѣлъ къ одному изъ своихъ однокашниковъ, Алексѣю Михайловичу Максимову, но и у него въ домѣ былъ раза три-четыре и то силою затащенный изъ театра. Такое товарищеское радушіе Алексѣя Михайловича, хотя онъ и терпѣлъ, но, очевидно, тяготился имъ.

Петръ Алексѣевичъ, казалось, былъ созданъ затѣмъ, чтобъ сдѣлаться человѣкомъ вполне счастливымъ: благодаря таланту, ему предстояла блистательная артистическая карьера; благодаря-же его прямому, откровенному характеру и безукоризненно честнымъ правиламъ, онъ всегда бы пользовался уваженіемъ общества, еслибъ не бѣжалъ отъ него. А такъ какъ, при этихъ качествахъ, онъ имѣлъ еще и красивую наружность, то легко могъ-бы достигъ и семейнаго счастья, къ которому онъ и былъ почти уже на дорогѣ.

Къ Петру Алексѣевичу была очень равнодушна одна изъ первыхъ актрисъ и красавицъ; казалось, что Петръ Алексѣевичъ питалъ къ ней тѣ-же чувства, но это, именно, только казалось... Они не только считались женихомъ и невѣстой, но даже было уже назначено и время для свадьбы. При брачныхъ переговорахъ, невѣстою было поставлено одно условіе, или, лучше сказать, съ жениха взято непрѣмѣнное обязательство: безотлагательно оставить *употребленіе вина*; обязательство женихомъ было принято...

Не прошло и недѣли, какъ однажды, на репетиціи, режиссеръ, знавшій о свадебномъ обязательствѣ Петра Алексѣевича, сталъ доказывать его невѣстѣ о недействительности этого обязательства, т. е. что оно женихомъ не будетъ исполнено. Невѣста спорила и не хотѣла этому вѣрить. Тогда режиссеръ сказалъ:

— Пойдемте, я вамъ покажу, насколько вы должны рассчитывать на обязательства.

Затѣмъ, онъ приводитъ невѣсту въ театральнѣй буфетъ *), гдѣ и застаютъ жениха со стаканомъ пунша.

— Петръ Алексѣевичъ, а ваше обѣщаніе? спрашиваетъ невѣста.

— Извините, отвѣчаетъ женихъ, я давалъ его въ полной увѣренности сдержать, но... впоследствии убѣдился, что не въ состояніи сдѣлать этого.

Такъ свадьба и не состоялась.

*) Одно время театральнѣй буфетъ открывался и на репетиціяхъ, подѣ предлогомъ, чтобы актерамъ было гдѣ курить, такъ какъ куреніе въ уборныхъ строго воспрещалось; но какъ по милости буфета случались частыя опаздыванія актеровъ къ выходамъ, то и впоследствии предписаніе директора: по утрамъ буфета не открывать.

Глава V.

Леонидъ Львовичъ Леонидовъ. Его отношеніе къ искусству. Реформы, произведенныя имъ въ московскомъ закулискомъ мірѣ. Его отношенія къ сослуживцамъ *крупнымъ* и *мелкимъ*. Павелъ Ивановичъ Толченновъ—какъ актеръ и человекъ. Семенъ Яковлевичъ Марковецкій. Что значить произволъ режиссера для актера? Неблаговоленіе режиссера къ Марковецкому въ началѣ его службы. Александръ Павловичъ Славинъ. Его удачныя дебюты въ роляхъ Каратыгина. Исполненіе имъ-же ничтожныхъ ролей впоследствии—по режиссерскому произволу. Славинъ—какъ писатель. Сестры Надежда и Катерина Ивановны Подобѣдовы. Катерина Александровна Сабурова. Г-жи Црокофьева, Селезнева, Владимірова, Нейманъ, Мангъ, гг. Малышевъ, Степановъ, Сазоновъ, Пронскій, Зубровъ, Нильскій, Шемасвъ, Фалѣевъ, Васильевъ, Полтавцевъ, Озеровъ, Бурдинъ и Горбуновъ. Новое амшлуа: „разсказчика“. Переходное состояніе отъ ходульности къ „натурѣ“. Петръ Ивановичъ Калининъ. Директоръ театровъ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ. Его доброта и снисходительность къ подчиненнымъ, не смотря на неимоверно вспыльчивый характеръ. Любовь подчиненныхъ къ Александру Михайловичу Гедеонову, высказавшаяся во время опасной его болѣзни. Ежегодные дефициты по управленію театровъ, покрываемые изъ собственныхъ суммъ Его Величества. Любовь Императора Николая Павловича къ А. М. Гедеонову.

Леонидъ Львовичъ Леонидовъ началъ сценическое поприще «молодыми людьми» въ трагедіяхъ и драмахъ. Какъ дебютъ (если не ошибаюсь, въ пьесѣ: «Каспоръ Гаузеръ»), такъ и начало его карьеры были весьма удачны. Бывши командированъ въ Москву, за недостаткомъ трагика на тамошней сценѣ, Леонидъ Львовичъ пробылъ въ Москвѣ довольно долгое время, но по смерти В. А. Каратыгина, былъ снова переведенъ на здѣшнюю сцену. Первый его дебютъ въ каратыгинскомъ репертуарѣ былъ ролью: «Бенвенуто Челлини». Какъ первый, такъ и послѣдующіе дебюты оказались вполне удовлетворительны.

Леонидъ Львовичъ, по своему честному, серьезному и строгому отношенію къ искусству, являлся вполне достойнымъ преемникомъ В. А. Каратыгина, и съумѣлъ привлечь вниманіе и расположеніе публики; но, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, началъ играть все рѣже и рѣже, такъ что почти совсѣмъ вышелъ изъ репертуара...

Въ театральной, изустной, хроникѣ сохранилось преданіе о томъ, какъ Л. Л. Леонидовъ, въ бытность свою въ Москвѣ, произвелъ великую реформу въ тамошнемъ театральномъ, или правильнѣе: въ закулисномъ мірѣ. Въ старину, въ московскихъ театрахъ, какъ гласитъ хроника, дисциплина была чуть-ли не строже военной — временъ аракатеевскихъ: *маленькимъ* актерамъ вмѣнялось въ непременную обязанность: *благоговѣть* и *трепетать* передъ *большими*. При входѣ (за кулисами) *большаго*, *маленькій* обязывался *встать*, и въ его присутствіи оставаться *съ открытою головою* (на релетиціяхъ актеры, обыкновенно, бываютъ въ шляхахъ). Если же случалось, что *маленькій* какъ-нибудь, по оплошности, не исполнялъ этихъ *стданий чести*, то *большой*, неукоснительно, строго напоминалъ о таковой его оплошности.

Съ появленіемъ Леонида Львовича, не мало крови попортилось въ великихъ міра театральнаго отъ *петербургскаго обращенія* новичка. Конечно, въ отношеніи лично къ самимъ себѣ, они не смѣли требовать отъ него такой *крѣпостной* вѣжливости, потому что онъ явился хотя и молодымъ человѣкомъ, но не просто, а «молодымъ человѣкомъ—*первымъ драматическимъ*», но ихъ благородныя души возмущались отъ человѣческаго обращенія Леонида Львовича съ *маленькими* актерами. Они не могли ни понять, ни сносить хладнокровно того, что ихъ товарищъ

*

относится совершенно одинаково, какъ къ нимъ самимъ, такъ и къ *мелкоту*. Могла-ли-же отъ этого не полортиться ихъ аристократическая кровь?..

Леонидъ Львовичъ всталъ на сторону *мелкоты* и взялъ ее подъ свое покровительство. Онъ всегда являлся ея защитникомъ отъ нелѣпныхъ претензій *большаковъ*, при чемъ гласно, не обвиняясь, осмѣивалъ таковыя претензїи. Онъ-же являлся, при случаѣ, и ходатаемъ передъ начальствомъ за ту-же *мелкоту*. Кромѣ того, онъ всячески, и косвенно и прямо, старался внушить *мелкоту*, что, неполняя и маленькія обязанности, не слѣдуетъ принижаться, и всегда должно уважать свои человѣческія достоинства.

Конечно, не вдругъ и не безъ труда, но все-таки Леонидъ Львовичъ ввелъ реформу, которой добивался, т. е. поднималъ приниженныхъ и вытаскивалъ изъ грязи втоптаныхъ въ нее человѣчковъ... Впрочемъ, Леонидъ Львовичъ и въ здѣшней труппѣ очень рельефно выдѣлялся... Однако, я увлекся и чуть было не позабылъ, что *исторїя о живыхъ не говоритъ*.

Павель Ивановичъ Толченевъ игралъ въ трагедїяхъ и драмахъ довольно видныя роли, наприм. «короля» въ траг. «Гамлетъ» и т. п. Глядя на его игру, невольно задавался вопросомъ: какъ могло случиться, что такой актеръ занялъ въ труппѣ видное мѣсто? Игру его трудно не только описать, но и вообразить. Онъ былъ высокаго роста, довольно толстъ и очень неловокъ въ движенїяхъ, походка его была тяжелая, ко всему этому—дикїя однообразна и неправильна. Говорилъ онъ всегда хриплымъ голосомъ и какъ-бы чрезъ плотно-стиснутые зубы. Жесты его постоянно были неловки и несоотвѣтствующи рѣчамъ; кромѣ того, въ патетическихъ сценахъ имъ упо-

треблялся довольно своеобразный и всегда одинъ и тотъ же жестъ, именно: поднявъ обѣ руки, съ растопыренными пальцами, правую — противъ лица, а лѣвую — противъ груди, довольно долго помахивалъ ими, на манеръ опахиванія вѣеромъ..

Отношеніе публики къ Павлу Ивановичу было также не совсѣмъ удобопонятно; она въ самыхъ серьезныхъ сценахъ смѣялась надъ нимъ, очень часто встрѣчала его при выходахъ громкими рукоплесканіями, нерѣдко вызывала по нѣскольку разъ и все это *шутки ради*, а между тѣмъ, онъ былъ ея любимцемъ: его бенефисы всегда отличались полностію сбора...

Не знаю, можетъ быть, Павелъ Ивановичъ, раньше того времени, въ которое я узналъ его, и былъ актеромъ полезнымъ, что можно было думать по обширности его репертуара и по получаемому имъ окладу; я-же засталъ его уже пенсионеромъ-старикомъ.

Павелъ Ивановичъ былъ актеромъ капризнымъ, очень часто придирался къ молодежи, изъ которой находились охотники нарочно его подзадоривать и вызывать на смѣшныя выходы.

Такъ, однажды, въ трагедіи «Гамлетъ», передъ началомъ акта, въ которомъ «король» и весь «дворъ» присутствуютъ на представленіи комедіантовъ, до поднятія занавѣса, когда всѣ сѣли по мѣстамъ, «король» (Павелъ Ивановичъ) на первомъ планѣ, а затѣмъ отъ него, во всю длину сцены, размѣстились и «придворные кавалеры», — возлѣ высокой и тучной особы «короля» усѣлся «царедворецъ», ростомъ чуть-ли не двухъ аршинъ (актеръ Василій Александровичъ Рамазановъ, который чаще всѣхъ другихъ любилъ подзадоривать Павла Ивановича), съ такою-же окладистою бородою, какъ и «король».

Павель Ивановичъ, пыхтя и сопя, долго и неприязненно косился на своего сосѣда, наконецъ, не выдержалъ:

— Что ты возлѣ самого «короля» усѣлся такой маленькій?.. Публика подумаетъ, что «король» съ мальчишкой-внучкомъ по театрамъ шляется...

— Публика по моей бородѣ пойметъ, что я не мальчишка, а мужчина, отвѣчалъ «царедворецъ».

— По бородѣ?.. Да ты по бородѣ-то скорѣе—мужичекъ съ ноготокъ, пежели придворный.. Пошелъ куда-нибудь дальше! Пусть здѣсь сядетъ другой—повиднѣе! заключилъ Павелъ Ивановичъ повелительнымъ тономъ.

— Павелъ Ивановичъ! воскликнулъ «царедворецъ», вы ужъ черезчуръ въ роль входите, даже и при опущенномъ занавѣсѣ вы воображаете себя настоящимъ королемъ.

— Ахъ, ты, мальчишка, щенокъ!.. началъ было разгнѣванный «король», но его перебилъ помощникъ режиссера, возгласившій:

— «Позвольте мѣсто!» Это возглашеніе, обыкновенно, предшествуетъ поднятію занавѣса.

Занавѣсъ поднялся.

«Король» не успокоился и все еще продолжалъ шопотомъ перебраниваться съ «царедворцемъ», который съ умысломъ его подзадоривалъ...

Сцена идетъ своимъ чередомъ. Приходитъ время «королю» спросить «Гамлета»:

«Извѣстно-ли тебѣ содержаніе комедіи? иль-ли въ ней чего-нибудь оскорбительнаго?» Но «король», въ пылу спора съ придворнымъ, совершенно забылъ объ этой рѣчи. Тщетно суфлеръ нѣсколько разъ *подавалъ* рѣчь и хлопалъ книгой объ полъ; наконецъ, онъ вынужденъ былъ окликнуть «короля» по имени и отчеству:

— Павелъ Ивановичъ, да говорите же!

«Король» очнулся, подскочилъ на креслѣ и во весь голосъ закричалъ:

— Ой! да что-жъ это такое?!.. А затѣмъ, откашлянувшись, обратился къ Гамлету съ вопросомъ: известно-ли ему содержаніе комедіи?..

Подобная предѣлка «короля», разумѣется, не укрылась отъ публики и произвела смѣхъ.

Въ частной жизни Павелъ Ивановичъ былъ хлѣбосольнымъ, гостепріимнымъ человѣкомъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, очень строгимъ и взыскательнымъ хозяиномъ въ отношеніи своей прислуги; по своему-же вспыльчивому и нетерпѣливому характеру, иногда обращался съ нею довольно круто.

Однажды, сидя съ гостями за столомъ, Павелъ Ивановичъ усмотрѣлъ, въ числѣ поданныхъ къ жаркому соленыхъ огурцовъ, одинъ попортившійся.

— Это что такое?!.. вскричалъ Павелъ Ивановичъ, схвативъ огурецъ въ руку и поднеся его къ носу прислуги.

— Огурецъ, отвѣчала та.

— Извѣстно, огурецъ!.. А видѣла-ль какой?!.. спрашиваетъ хозяйнѣ, ткнувъ огурцомъ въ носъ прислуги.

Прислуга сочла залучшее отъсѣриваться.

— Впередъ такихъ огурцовъ гостямъ не подавать — бѣшихъ сама! закричалъ вышедшій изъ себя Павелъ Ивановичъ, и огурецъ полетѣлъ влѣдъ прислуги, подошедшей уже къ дверямъ... Но случилось такъ, что въ самыхъ дверяхъ прислуга, встрѣти вновь прибывшаго гостя, отстранилась, давая ему дорогу, и огурецъ со всего размаха ударился въ лысую, какъ ладонь, голову вновь прибывшаго и рассыпался на ней въ дребезги.

Новый гость былъ задушевный другъ хозяина, плацъ-

адъютантъ Грековъ, котораго Навель Ивановичъ послѣ встрѣчи огурцомъ радушно привѣтствовалъ:

— А! добро пожаловать!..

Семень Яковлевичъ Марковецкій въ молодости былъ очень хорошъ въ роляхъ «простаковъ». Онъ актеръ не изъ *самородковъ*, но сдумавшій выработаться по хорошимъ оригиналамъ. Первымъ для него образцомъ послужилъ Василій Антоновичъ Шемаевъ, замѣчательнѣйшій въ свое время комическій и опереточный актеръ, а въ особенности превосходный «простакъ» *).

Сначала Семень Яковлевичъ копировалъ Шемаева, такъ сказать, безъ всякой церемоніи, взявши не только методу его игры, но каждый жестъ, каждое движеніе и даже не преминулъ позаимствовать его *оригинально-плаксивую* интонацію голоса. Вторымъ для себя образцомъ онъ взялъ московскаго актера Василія Игнатьевича Живокіни. Какъ удачный выборъ образцовъ, такъ и умѣнье заимствовать отъ нихъ лишь оригинальное и лучшее, не ставилось публичною въ порокъ молодому актеру, что она доказывала своимъ къ нему расположеніемъ, несмотря на то, что В. А. Шемаевъ былъ еще свѣжъ въ ея памяти.

Впослѣдствіи, Семень Яковлевичъ, мало-по-малу, сдумалъ оставить все заимствованное; затѣмъ, съ годами, переѣбнивъ амилуа, сталъ актеромъ, какимъ и застаютъ его современники...

Выше я говорилъ кое-что о *произволѣ режиссеровъ* и о томъ, что актеръ, подобный В. А. Каратыгину, не имѣлъ надобности *заискивать въ нихъ*. Быть можетъ, каж-

*) В. А. Шемаевъ уже окончилъ свое сценическое поприще, когда С. Я. Марковецкій вышелъ изъ училища.

дому, незнакомому со строемъ *закулиснаго* театральнаго міра, покажется страннымъ: для чего актеру, если онъ талантливъ и нравится публикѣ, заискивать въ режиссерѣ и какое вліяніе можетъ имѣть на него режиссерскій произволъ? Но кому знакомъ (я говорю о давнопрошедшемъ) строй этого скрытаго отъ постороннихъ взоровъ закулиснаго міра, тому все это вовсе не покажется страннымъ, — онъ очень хорошо знаетъ, что *дать ходу* актеру (даже и талантливому) и *не давать ходу* — зависитъ совершенно отъ произвола режиссерскаго. Актеръ, пользующійся милостивымъ вниманіемъ режиссера, есть уже актеръ *репертуарный*, такъ какъ репертуаръ назначается режиссеромъ; кромѣ того, имъ-же распредѣляются роли въ новыхъ пьесахъ; стало быть, *любимецъ* получаетъ всегда однѣ лучшія роли; если-же встрѣчается роль, хотя по амплуа слѣдующая тому-же любимцу, но роль *неэффективная*, то она назначается *несчастливцу*, несъмѣвшему заслужить режиссерскаго благоволенія. Того-же несчастливца заставляють еще играть въ маленькихъ, обыкновенно *заграничныхъ* пьесахъ, даваемыхъ для *свѣзда* и *разгвѣзда* публики, т. е. въ началѣ и концѣ спектакля.

Семену Яковлевичу начинать свою карьеру довелось въ качествѣ *несчастливца*, вслѣдствіе чего и приходилось испытывать *немилости* и сносить гнетъ режиссерскаго произвола. Играть ему случалось очень, очень рѣдко. Новыхъ ролей ему не давалось (за исключеніемъ ничтожныхъ), а развѣ *на переучку*, за болѣзнью А. Е. Мартынова, или В. В. Самойлова. Такъ, однажды, когда В. В. Самойловъ, игравшій въ опереткѣ «Бѣдовый мальчикъ», наканунѣ представленія захворалъ, или, какъ шли толки за кулисами, покапризничалъ и сказался больнымъ, чтобы *насолить* режиссеру, т. е. поставить его въ тупикъ, пріиска-

нием другой пьесы для замѣны «Бѣдоваго мальчика» (пьесы репертуарной и дѣлавшей сборы); режиссеръ-же съ своей стороны, желая *отсолить* и показать Самойлову, что онъ вовсе *ненезамѣнимый* актеръ, -- передалъ его роль С. Я. Марковецкому, которую тотъ долженъ былъ приготовить *въ одну ночь* (тогда какъ В. В. Самойловъ приготовлялъ ее въ продолженіи многихъ дней) и играть почти безъ репетиціи, роль очень отвѣтственную, основанную на пѣніи. Несмотря на все это, Семень Яковлевичъ сыгралъ безъукоризненно и былъ отлично принятъ публикою.

В. В. Самойловъ выздоровѣлъ и снова завладѣлъ этою ролью. Хотя въ «постановленіяхъ объ обязанностяхъ артистовъ» и существуетъ параграфъ: о «дублерствѣ», въ силу котораго С. Я. Марковецкій, послѣ удачнаго исполненія роли В. В. Самойлова, долженъ былъ *по закону* играть эту роль съ нимъ въ очередь, но законъ былъ обойденъ, такъ какъ Семень Яковлевичъ не имѣлъ счастья *правиться* режиссеру. Такое *обхожденіе* закона случалось съ нимъ не одинъ разъ, но сплошь и рядомъ; случалось тоже самое и не съ нимъ однимъ, но со многими.

Къ своему счастью, Семень Яковлевичъ сталъ ѣздить по провинціямъ почти ежегодно, гдѣ имѣлъ громаднѣйшую практику и заслуживать любовь публики, да, кромѣ того, этими поѣздками поддерживалъ свои матеріальныя средства, такъ какъ отъ дирекціи получалъ жалованье весьма незначительное. Но не всѣмъ столичнымъ актерамъ провинціи служатъ на пользу. Въ люди (какъ Семена Яковлевича) вывели онѣ немногихъ, а погубили столькоихъ, что и не перечесть...

Такъ, не малаго труда стоило Семену Яковлевичу выбраться на дорогу къ репертуару; только съ перемѣною режиссера перемѣнилась и его *театральная судьба*.

Однажды, во время путешествія В. А. Каратыгина за границую, на здѣшной сценѣ дебютировалъ въ его роляхъ Александръ Павловичъ Славинъ — актеръ, успѣвшій приобрести большую извѣстность въ провинціяхъ. Какъ дебюты, такъ и слѣдующія его появленія въ лучшихъ каратыгинскихъ роляхъ: «Гамлетъ», «Кинъ» и т. п., встрѣчались публикою не только одобрительно, но, можно сказать, восторженно. Однимъ словомъ, начало карьеры обѣщало ему если и не блестящее, то, во всякомъ случаѣ, *прочное* положеніе въ труппѣ, т. е., казалось, что онъ будетъ актеромъ необходимымъ и полезнымъ. Хотя по возвращеніи В. А. Каратыгина и по вступленіи его въ свои сценическія права, Александръ Павловичъ и долженъ былъ отодвинуться на второй планъ, но и при этомъ онъ не переставалъ обращать на себя вниманіе публики и заслуживать ея одобреніе. Какъ извѣстно, при Каратыгинѣ исполнять (т. е. исполнять *хорошо*) и вторыя роли было не малою заслугою, что и доказываетъ, что Александръ Павловичъ былъ актеръ не безъ дарованія. Онъ имѣлъ красивую, сценическую наружность и пріятный, чистый органъ. Къ несчастію, Александръ Павловичъ не сумѣлъ понравиться режиссеру и испыталъ на дѣлѣ, что значить для актера режиссерское *неблаговоленіе*. Не сумѣвъ окольными путями снискать милостиваго вниманія режиссера, Александръ Павловичъ, по скромности и слабости характера, не смогъ и прямо протестовать противъ режиссерскаго произвола и, мало по малу, началъ со втораго плана отодвигаться на задній.

Къ несчастію многихъ, режиссеръ того времени, по своей сухоточно-желчной натурѣ, находилъ *удовольствіе* сдѣлать, кому только сможетъ, что-нибудь *непріятное*. Такъ и на этотъ разъ: тѣша свое злорадство приниже-

нѣмъ челоуѣка талаптливаго, онѣ назначалъ Александрѣ Павловичу роли только самыя незначительныя, отъ которыхъ отказываться ему *не дозволяли* получаемаыя имѣ *разовыя*. Вслѣдствіе чего, подѣ конецъ своей службы, Александрѣ Павловичѣ сдѣлался актеромъ ничтожнымъ. Погибѣ-же Александрѣ Павловичѣ собственно за то, что не оправдалъ надеждѣ режиссера, который, видя его блестящія дебюты, рассчитывалъ посредствомъ его *солить* Каратыгину (что было его задушевною, хотя неосуществимою мечтою), но возвращеніе Василя Андреевича разочаровало режиссера въ его благихъ пожеланіяхъ и заставило приводить ихъ въ исполненіе надѣ Александромъ Павловичемъ...

Славинѣ писалъ для сцены и для печати, но сочиненія его, какъ тѣ, такъ и другія, особеннаго успѣха не имѣли, кромѣ одного произведенія (для печати) духовнаго содержанія, написаннаго на текстъ: «Помилуй-мя Боже, помилуй-мя», которое имѣло успѣхъ въ публикѣ и одобрялось рецензіями многихъ газетъ.

Какъ сочинитель, Александрѣ Павловичѣ имѣлъ слабость заимствоваться изъ чужихъ произведеній и часто заимствовался довольно безцеремонно, т. е. просто на просто подписывалъ свою фамилію подѣ чужими сочиненіями. А когда товарищи начали, однажды, по этому поводу, надѣ нимъ подтрунивать, онѣ пренаивно отвѣтилъ:

— Я такъ много пишу и читаю, что не мудрено спутаться и принять чужое за свое.

Вотъ въ какомъ составѣ засталъ я драматическую труппу, при моемъ въ нее вступленіи. Кромѣ того, мнѣ довелось быть свидѣтелемъ многихъ дебютовъ актеровъ и актрисъ молодыхъ, выходявшихъ изъ театральнаго училища, и не совсѣмъ молодыхъ, перешедшихъ съ московской и провинціальныхъ сценъ на здѣшнюю. Многіе изъ этихъ

дебютантовъ подавали, болѣе или менѣе, утѣшительныя надежды; но на сколько каждый изъ нихъ оправдалъ эти надежды—предоставляю судить о томъ самимъ современникамъ, такъ какъ эти дебютанты, почти все состоятъ еще на лицѣ. Вотъ ихъ имена. Актрисы: г-жи Подобѣдова 1-я, Сабурова, Селезнева, Владимірова, Подобѣдова 2-я, Прокофьева, Нейманъ и Лангъ. (Изъ коихъ г-жа Сабурова перешла съ московской сцены, а г-жи Владимірова и Прокофьева поступили *съ воли*; прочія-же все—воспитанницы театральнаго училища). Актеры: гг. Малышевъ, Степановъ, Сазоновъ, Фалѣевъ, Пронскій, Зубровъ, Нильскій, Шемаевъ, Васильевъ 2-й, Полтавцевъ, Озеровъ, Бурдинъ и Горбуновъ, для поступленія котораго на сцену было *изобрѣтено* новое, прежде несуществовавшее, амплуа «разскащика». Изъ нихъ гг. Малышевъ, Сазоновъ, Шемаевъ и Нильскій вышли изъ училища, г. Степановъ перешелъ съ московской сцены, гг. Васильевъ 2-й, Пронскій и Бурдинъ—изъ провинцій, Полтавцевъ—изъ петербургской оперной труппы, а гг. Зубровъ, Фалѣевъ и Горбуновъ—*съ воли*. (Г. Васильевъ 2-й, несмотря на то, что успѣлъ сдѣлаться любимцемъ публики, оставилъ здѣшнюю сцену по несоглашенію съ дирекціею).

Мнѣ довелось также быть свидѣтелемъ *переходнаго состоянія* въ драматическомъ искусствѣ *отъ худольности—къ натуральной школѣ*. По смерти В. А. Каратыгина, пьесы Кукольника, Полеваго и Ободовскаго оказались не сценическими. Попытки играть ихъ *по человѣчески*, т. е. ввести въ нихъ обыкновенный языкъ, оказались немыслимы. Такъ, напримѣръ, нѣкто г. Бубновъ, дебютируя ролью «Князя Скопина Шуйскаго», въ драмѣ Полеваго, по настоянію своего учителя, бывшаго тогда режиссеромъ драматической труппы, г. Яблочкина, говорилъ свою роль

человѣческимъ языкомъ и избѣгалъ всякихъ *изысканныхъ сценическихъ* позъ, чрезъ что самое и вышель «Скопичнымъ» весьма неудачнымъ. Натуральный позы и разговорный языкъ оказались вовсе непригодными для вдохновеннаго «кнзя Скопича», который, описывая русское село съ церковью, выражается такъ: «...А на небѣ, какъ звѣздочка сіяеть нашъ русскій крестъ, нашъ православный крестъ; какъ стражъ небесный тихо смотреть долу, а на него съ молитвой смотреть люди и ангеломъ-хранителемъ зовуть» и проч. Такая-то и ей подобныя рѣчи, бывши произносимы обыкновеннымъ, такъ сказать, *обыденнымъ, житейскимъ* языкомъ, выходили чѣмъ-то среднимъ между бредомъ съумасшедшаго, или шутовствомъ балагура... Въ той-же драмѣ, и въ томъ-же ея представленіи, участвовала и другой охотникъ замѣнить ходульность натурою, но труды его не увѣнчались успѣхомъ, и онъ показался даже смѣшнымъ, начавъ передавать разговорнымъ языкомъ монологъ «Ржевскаго» (въ первомъ актѣ), обращенный къ спящимъ измѣнникамъ: «Спи, стая псовъ, спи непробуднымъ сномъ до страшнаго суда, тогда проснись и прямо въ адъ!...» и проч. Тогда какъ прежде, тотъ-же самый монологъ выходилъ превосходнымъ въ чтеніи Петра Ивановича Калинина (уже умершаго), актера *старой школы*. Калининъ этотъ монологъ скорѣе *пѣлъ*, нежели читалъ, и это выходило очень эффектно, хотя и вовсе не натурально.

Тридцать лѣтъ назадъ, директоромъ театровъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и камергеръ, Александръ Михайловичъ Гедесоновъ, добрѣйшей души человѣкъ и въ полномъ смыслѣ слова—*отецъ* своихъ подчиненныхъ. Бывало, какъ-бы не провинился актеръ въ отношеніи служебныхъ обязанностей, наказаніе не шло дальше штра-

фа или ареста; хотя случались провинности, за которыя, по «уложенію о театрахъ», виновный долженъ-бы быть исключенъ изъ службы. Изъ весьма многихъ примѣровъ приведу одинъ. Актеръ П. П. К. вышелъ на сцену, по недосмотру режиссера и его помощниковъ, въ очень *ненормально*мъ состояніи; надѣтый на него испанскій костюмъ былъ такъ небрежно *утвержденъ*, что нижняя его часть свалилась съ К. во время горячаго монолога, предъ глазами зрителей полного театра.

По окончаніи спектакля, по распоряженію режиссера, К. былъ оставленъ подъ арестомъ *въ трубно* *) , а на слѣдующее утро, по заведенному порядку, о происшествіи директору былъ поданъ рапортъ, на который послѣдовала резолюція: «уволить К. отъ должности».

Несчастный К. (мужчина скромный, и не смотря на долголѣтнюю службу, сильно робкій передъ начальствомъ), проснувшись поутру въ заключеніи, вспомня, что съ нимъ было наканунѣ, упалъ духомъ; когда-же была ему объявлена резолюція директора, впалъ въ совершенное отчаяніе и, несмотря на то, что послѣ рѣшенія участи имѣлъ право уйти изъ подъ ареста, онъ пробылъ въ «трубно» цѣлый день, ничего не ѣвши и не пивши, и тамъ-же остался ночевать... А ночью, унтеръ-офицеръ пожарной команды заявилъ театральному вахтеру, что «имѣющійся въ «трубно» арестантъ *сошелъ съ ума*», о чемъ вахтеръ немедленно донесъ *смотрителю* театра, который, въ свою очередь, поутру отрапортовалъ объ ономъ директору.

По полученіи рапорта не прошло и часа, какъ директоръ, въ сопровожденіи доктора, былъ уже въ «трубно»,

*) Подвалъ въ зданіи театра, гдѣ помѣщалась дежурная пожарная команда.

стараясь всячески уговорить и успокоить бредящаго арестанта.

К. хотя и узналъ директора, но понимать его не могъ, и на всё утѣшительныя рѣчи кричалъ ему:

— Ваше превосходительство, берегитесь!.. Лошади!.. Лошади!.. Смотрите!.. Эхъ, убѣть!.. убѣть!..

К. немедленно былъ отправленъ въ больницу.

Директоръ, ежедневно справлявшійся о здоровьѣ больного, когда услышалъ, что онъ, прійдя въ память, снова началъ тревожиться о своемъ несчастномъ положеніи, приказалъ сказать, что проступокъ ему прощается за его прежнюю безпорочную службу.

К., по выходѣ изъ больницы, явившійся благодарить директора, ничего не услышалъ отъ него, кромѣ *ласки и утѣшеній*, а о проступкѣ и помнуну не было...

Кромѣ служебныхъ провинностей, съ нѣкоторыми актерами случались и такого рода проступки, за которые можно было попасть подъ судъ, уже *не домашній*, но и такихъ Александръ Михайловичъ умѣлъ *отстоять* и наказывалъ ихъ своимъ-же *отческимъ* судомъ, т. е. крикомъ и топотомъ ногъ.

Впрочемъ, и такого рода наказанію виновный подвергался лишь тогда, когда Александръ Михайловичъ бывалъ *не въ дуэль* (тогда онъ кричалъ и топалъ на всѣхъ, не разбирая — кто правъ, кто виноватъ); а если-же во время суда онъ находился въ спокойномъ состояніи, тогда *судъ* бывалъ *скорый и милостивый* въ полномъ смыслѣ: судья постоятъ, бывало, передъ судимымъ, залажа руки за спину, посмотреть на него своими добрыми глазами и скажетъ кротко:

— Ты что-жъ это дурачишься?.. Думаешь, что я всегда буду прощать?.. Смотри, чтобы впередъ этого не было!.. Ну, ступай съ Богомъ!..

Тѣмъ судъ и оканчивался... Даже и при дурномъ расположеніи духа, во время крика и топота погами, какъ только, бывало, увидить Александръ Михайловичъ, что распекаемый имъ достаетъ платокъ изъ кармана, собираясь заплакать, тотчасъ-же гнѣвъ свой прелагаль на милость, переставалъ кричать и, подойдя къ виноватому, полагая свои руки на его плеча, начиналъ урезонивать:

— Ну, полно... полно! что ты? Богъ съ тобой!.. Вѣдь я тебѣ не зла желаю, но моя обязанность предупредить тебя и удержать отъ того, что дурно...

Очень многіе избѣгали бѣды подобнымъ образомъ. Неизвѣстно: были-ли то слезы истиннаго раскаянія или только умѣнье пользоваться слабостію добраго человѣка, который не могъ равнодушно видѣть слезъ?..

Подчиненные до того изучили натуру своего начальника, что, пришедши къ нему съ какою-либо просьбою, прежде нежели войдти въ кабинетъ (что дѣлалось каждымъ *безъ доклада*), обращались къ дежурному ѣздовому съ вопросомъ:

— Что, какъ Александръ Михайловичъ?..

И если ѣздовой отвѣчалъ:

— Ничего, идите.

Тогда проситель смѣло шелъ въ кабинетъ и отказа не получалъ, если только просьба его была законна.

Иногда-же ѣздовой отвѣчалъ, не обинуясь:

— Не ходите — *свищетъ*.

Тогда проситель, за добра-ума, убирался, потому что, если Александръ Михайловичъ ходитъ взадъ и впередъ по кабинету и *свищетъ*, тогда на каждую просьбу, какъ бы она ни была законна, резолюція воспослѣдуетъ известная т е. *крикъ и топотъ*...

Доказательствомъ-же доброты Александра Михайловича, несмотря на его вспыльчивый характеръ, можетъ служить

то, что онъ не только не взыскивалъ за грубость, ему оказанную, но вовсе не замѣчалъ ее. Такъ, однажды, онъ за что-то пудрилъ опернаго пѣвца Б. (человѣка *простаго*, непонимавшаго ни свѣтскаго приличія, ни служебной субординаціи). Долго кричалъ и топалъ ногами Александръ Михайловичъ, а Б., между тѣмъ, смотрѣлъ на него совершенно равнодушно и только изрѣдка вздыхалъ, или правильно: отдувался во всю глубину своей сильной оперной груди. Но, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, Б., что называется, *мгнулъ*—разразился громкимъ, продолжительнымъ хохотомъ.

Александръ Михайловичъ смолкъ и, стоя какъ пораженный, смотрѣлъ на Б. съ удивленіемъ...

Б., между тѣмъ, повернулся и, продолжая хохотать, пошелъ изъ кабинета...

Александръ Михайловичъ опомнился.

— Александръ Львовичъ! кричитъ онъ бывшему тутъ же въ кабинетъ вице-директору: спросите этого дурака, чему онъ смѣется?..

Вице-директоръ догоняетъ Б., успѣвшаго уже, все не переставая хохотать, пройти всю канцелярію и выйти въ прихожую.

— Директору угодно знать, чему вы смѣетесь? спрашиваетъ Александръ Львовичъ.

— Своему смѣху! отвѣчалъ тотъ густымъ басомъ и, захохотавъ пуще прежняго, вышелъ изъ прихожей.

У Александра Михайловича лиценріятія не было. Онъ относился совершенно одинаково ко всѣмъ подчиненнымъ. Любя всѣхъ и не имѣя любимцевъ, онъ не оказывалъ никому особенной протекціи. *Не въ добрый часъ*, безцеремонно пудрилъ *первача*, а въ *добрый*—былъ привѣтливъ и ласковъ, какъ съ *первыми*, такъ и съ *последними*, за

что и пользовался неограниченнымъ уваженіемъ и безпредѣльною любовью подчиненныхъ. Въ продолженіи двадцати-пяти-лѣтняго управленія театрами, онъ никому не подалъ повода *плакаться* на него.

До чего Александръ Михайловичъ *не любилъ* наказывать подчиненныхъ, припомню похожденія актера Л. Выпущенный изъ училища въ драматическую труппу «на выходъ», Л. совершенно манкировалъ службою; не проходило недѣли безъ рапорта о его неисправности. Почти все маленькое жалованье Л. уходило на штрафы, на что, однако-жь, онъ не обращалъ никакого вниманія, такъ какъ былъ совершенно обезпеченъ всѣмъ необходимымъ отъ богатой матери, бывши ея единственнымъ и любимымъ сыномъ.

Однажды, послѣ поданнаго рапорта, въ которомъ, кромѣ изложенія проступка, ставилось на видъ его превосходительству, что Л. долженъ быть строго наказанъ для примѣра прочимъ, Л. былъ потребованъ къ г. директору.

На бѣду, въ тотъ разъ Александръ Михайловичъ былъ не въ духѣ, и бѣдному Л. пришлось отдуваться за всѣ свои грѣхи. Все ему было высказано, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ; между прочимъ, сказано, что «здоровому мужчинѣ жить на счетъ матери — стыдно, а огорчать ее своимъ безпутнымъ поведеніемъ — грѣшно... Что получать жалованье и не исполнять своихъ обязанностей — безчестно, и что за это *своилюма* изъ должности, а, въ концѣ концовъ, ему былъ заданъ рѣшительный вопросъ:

— Ну, если тебя выгонять, куда ты пойдешь?.. А? куда ты пойдешь? кричалъ Александръ Михайловичъ, близко подступивъ къ Л.

— Къ маменькѣ-съ!.. отвѣчалъ тотъ, не помня себя со страха.

— Къ маменькѣ-съ! . передразнивалъ его Александръ Ми-

хайловничъ, и затѣмъ продолжалъ: «Стыдись! посмотри на себя; вѣдь ты въ косую сажень ростомъ... Что-жь, ты всю жизнь такъ и будешь у *маменьки* на шеѣ висѣть?.. Слушай! говорю тебѣ рѣшительно: прощаю въ послѣдній разъ... Еще одинъ рапортъ, и тебя непременно выгонять. И до сихъ поръ я прощалъ тебя только для матери, но больше прощать не намѣренъ!.. Пошелъ и помни!..

Л. нажаловался *маменьку*, что его обижаютъ и притѣсняютъ на службѣ, что онъ продолжать ее больше не въ силахъ. Вслѣдствіе чего, не прошло и недѣли послѣ *голомоушки*, какъ Л. подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Но директоръ отставки не подписалъ, а опять потребовалъ Л. къ себѣ.

На этотъ разъ, Л. не слышалъ ни крика, ни упрековъ, но одни *дружескіе* совѣты и *отеческія* наставленія. Въ замѣтъ-же недавнихъ угрозъ—выгнать вонъ, получилъ рѣшительный отказъ въ отставкѣ, причемъ и прошеніе объ оной было разорвано директоромъ собственноручно. Но убѣжденія и кротость Александра Михайловича довели Л. до того, что, расплакавшись какъ дитя, онъ схватилъ руку директора, цѣловалъ ее съ истиннымъ *сыновнимъ* чувствомъ и тутъ-же откровенно высказался, или правильнѣе: *исповѣдался* передъ нимъ въ своей слабости, заключающейся въ томъ, что, вращаясь въ кругу сведеннаго имъ знакомства, онъ *не можетъ* воздержаться *отъ вина*, а, что, уѣхавши въ Новгородъ съ матерью, которая навсегда желаетъ тамъ поселиться, онъ надѣется сдѣлаться человекомъ *порядочнымъ*.

Александръ Михайловичъ, выслушавъ *исповѣдь*, сказалъ, со слезами на глазахъ:

— Если такъ, то, дѣйствительно, тебѣ слѣдуетъ уѣхать

отсюда. Поѣзжай съ Богомъ! Затѣмъ, перекрестивъ, поцѣловаль Л.

Всѣ эти подробности слышалъ я отъ самого Л., поѣтивъ его въ Новгородъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ описываемаго времени. И нашель Л. человѣкомъ совершенно остепенившимся. Припоминая прошлое, онъ откровенно высказалъ сожалѣніе о томъ, что оставилъ службу, причемъ припомнилъ слова Александра Михайловича, что «стыдно жить на счетъ матери». Между прочимъ, прибавилъ, что онъ въ то время дѣйствовалъ безсознательно, такъ какъ отъ постоянного кутежа былъ въ какомъ-то чадѣ. И посоветоваль ему поступить снова на службу, а на его возраженіе, что «въ такихъ актерахъ, какъ онъ, дирекція необходимости не имѣеть», напомнилъ ему доброту Александра Михайловича, въ надеждѣ на которую, можно смѣло рискнуть на попытку.

Л. рискнулъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ явился къ директору съ изустною просьбою, въ отвѣтъ на которую услышалъ радушное:

— Давно-бы такъ...

Л. снова поступилъ на службу на прежнемъ окладѣ, но... служилъ исправно опять-таки недолго. Кругъ его знакомства возобновился, и прежнія привычки возвратились... Л. былъ уволенъ отъ должности, но уже при приемникѣ Александра Михайловича Геденова.

Не диво, если-бъ Александра Михайловича любили подчиненные, только получающіе большіе оклады (что можно бы приписать благодарности за *протекцію*). Но когда представлялся случай высказаться общей къ нему любви, то это началось въ средѣ подчиненныхъ, получавшихъ оклады ничтожные. Случай былъ слѣдующій: Александръ Михайловичъ захвораль очень серьезно воспаленіемъ кишекъ.

Во все время продолженія его болѣзни, актеры, являясь въ театрѣ, встрѣчали другъ друга вопросомъ: «что Александръ Михайловичъ?» Кромѣ того, всѣ актеры находились постоянно въ серьезномъ настроеніи. Когда-же, однажды, во время репетиціи, было сообщено, что на выздоровленіе Александра Михайловича не остается *ни малѣйшей надежды*, на всѣхъ безъ исключенія лицахъ видна была искренняя печаль...

Въ тотъ-же день, вечеромъ, во время спектакля, въ одной изъ «второсюжетныхъ» уборныхъ, сидѣли человѣкъ восемь *маленькихъ* актеровъ. На этотъ разъ, вмѣсто обычныхъ шутокъ и дурачествъ, ими велся серьезный разговоръ, для котораго единственною темою служила болѣзнь Александра Михайловича. Вдругъ одинъ изъ нихъ обращается къ товарищамъ съ такою рѣчью:

— Господа! на выздоровленіе директора нѣтъ никакой надежды. Доктора отказались. Остается испытать еще одно средство ..

Всѣ взглянули на говорящаго, вѣроятно, удивляясь его неприличной шуткѣ въ такую минуту; но, вида серьезное выраженіе его лица, нѣкоторые съ недоумѣніемъ спросили:

— Какое-же это средство?

— Завтра утромъ, до репетиціи, пойдемте къ ранней обѣднѣ и, въ складчину, отслужимъ молебень о здравіи раба Божьяго Александра. По чемъ знать: можетъ быть, чья-нибудь молитва и дойдетъ до Бога.

Предложеніе было принято всѣми единодушно и съ радостію. Сейчасъ-же появился листъ бумаги и карандашъ, каждый усердно вписывалъ свою посильную жертву. Набралось рублей шесть. Но когда слухъ о молебнѣ распространился по всему театру, то и *первачи* точно также охотно примкнули къ подпискѣ. Сумма оказалась довольно

значительная, вслѣдствіи чего было рѣшено приобрести образъ св. Александра Невскаго, въ серебряномъ окладѣ, который послѣ молебна поднести, вмѣстѣ съ просфорою, болящему.

На другой день, въ церкви при театральномъ училищѣ, служилась *заказная* заздравная обѣдня, на которую собралась вся драматическая труппа, а такъ-же воспитанники и воспитанницы театрального училища *). (Послѣ того, нашему примѣру послѣдовали оперная и балетная труппы, — также служили молебны).

И оказалось, что *чья-нибудь* молитва, дѣйствительно, *дошла до Бога* — Александръ Михайловичъ выздоровѣлъ...

При воспоминаніи объ этомъ отпадномъ событіи, невольно припоминается и грустный, пощмый фактъ чрезмѣрной формалистики: виновникъ этого событія получилъ *стройный выговоръ* отъ режиссера, за то, что началъ подписку, *не испросивъ на то разрѣшенія*.

— Виновать! отвѣчалъ виновный довольно рѣзко. Я не зналъ, что молиться можно только съ дозволенія начальства.

Въ продолженіи всего двадцатипяти-лѣтняго управленія театрами Александра Михайловича Гедеонова, изъ года въ годъ, повторялся одинъ и тотъ-же слухъ, сильно тревожившій многихъ служащихъ въ драматической труппѣ. Слухъ этотъ сообщалъ, что въ великомъ посту (время театральнаго отчетовъ) воспослѣдуетъ большая *выключка*, т. е. уменьшеніе штатовъ, въ видахъ ежегодно-же повто-

*) До начала обѣдни, А. М. Максимовъ сказалъ своему брату „наши молитвы врядъ-ли дойдутъ до Бога, а вотъ развѣ чья-нибудь изъ этихъ“, причемъ онъ указалъ на маленькихъ воспитанниковъ и воспитанницъ.

ряющихся дефицитовъ. Но, между прочимъ, слухъ, этотъ ни разу не осуществлялся. Да, правду сказать, никакая *выключка* не могла-бы устранить дефицитовъ, такъ какъ они зачастую достигали нѣсколько десятковъ тысячъ, а выключенными могли быть изъ персоналовъ мужскаго и женскаго, самое большее, *десять* человѣкъ, отъ чего не воспослѣдовало-бы и двухъ тысячъ экономіи, такъ какъ актеры низшаго разряда получали жалованья отъ 170 до 200 рублей въ годъ. Нельзя-же было, въ видахъ экономіи, выключить В. А. Каратыгина, А. Е. Мартынова и имъ подобныхъ .. Да, впрочемъ, если-бы даже выключить и весь первый сюжетъ драматической труппы, то и тогда врядъ-ли-бы устранились громадныя недочеты, происходившіе по милости балетовъ, и въ особенности, итальянской оперы, съ ихъ баснословно дорогими *знаменитостями* и постановками. Что-же касается самой драматической труппы, то она ежегодно приносила извѣстный доходъ; убытковъ-же никогда никакихъ. Правда, что на нее и расходовъ (само собою, кромѣ жалованья актерамъ) не дѣлалось тоже ровно никакихъ. Новая декорация въ Александринскомъ театрѣ считалась чуть-ли не сверхъестественнымъ чудомъ. Что-же касается костюмовъ, то, лишь въ высоко-торжественные спектакли, *дозволялось* иногда отпускать драматическимъ актерамъ костюмы изъ итальянской оперы (но не съ первосюжетныхъ артистовъ, и то только старыя). Несмотря, однако-жь, на такое къ нему пренебреженіе и невниманіе, Александринскій (или, по тогдашнему, *Александринской*) театръ все-таки дѣлалъ сборы, хотя и пріобрѣлъ отъ зрителей, благодаря обстановкамъ даваемыхъ въ немъ пьесъ, весьма неслестное названіе.

Я заговорилъ о дефицитахъ собственно потому, что

вспомнилъ, до чего актеры успѣли изучить А. М. Гедеенова. Ежегодно, въ концѣ театральнаго сезона, передъ великимъ постомъ, актеры, по наблюденіямъ надъ Александромъ Михайловичемъ, узнавали: есть-ли, и если есть, то великъ-ли дефицитъ за истекшій годъ? Наблюденія эти были весьма несложны и просты. А именно: если Александръ Михайловичъ, бывши въ Александринскомъ театрѣ, во время спектакля, въ антрактахъ выходилъ на сцену и разговаривалъ съ кѣмъ нибудь изъ актеровъ, или же молча прохаживался позади сцены, заложивъ руки подъ фалды камергерскаго вицъ-мундира и внимательно разсматривая свои *красивыя, маленькія* ноги, обутыя въ лакированные сапоги, то это означало, что дефицита нѣтъ, или самый ничтожный. Когда-же Александръ Михайловичъ, въ продолженіи всего спектакля, не выходитъ изъ ложи, въ которой сидитъ насупившись, вовсе не обращая вниманія на представленія, или, войдя за кулисы, потребуетъ режиссера, единственно затѣмъ, чтобы за что-нибудь *пунуть* его; кромѣ того, на чей либо поклонъ отвѣчаетъ порывистымъ кивкомъ головы, не промолвя своего обычнаго: «здравствуй», то это значить, что дефицитъ весьма солидный...

При такихъ обстоятельствахъ, т. е. при большомъ дефицитѣ, желая узнать его послѣдствія, многіе актеры посѣщали концерты въ великомъ посту, чтобы увидѣть Александра Михайловича (такъ какъ всегда былъ извѣстенъ день, въ который онъ ѣхалъ во дворецъ съ отчетомъ), и всегда случалось такъ, что Александръ Михайловичъ, послѣ отчета, являлся въ концертъ въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, вслѣдствіе того, что дефицитъ прощенъ и покрытъ изъ собственныхъ суммъ Его Величества Николая Павловича, любившаго Александра Михайловича за

его прямоту и безукоризненную честность... Но, впрочемъ, не всегда дефициты проходили безслѣдно для Александра Михайловича, какъ гласили ходившіе слухи: иногда ему доводилось выслушивать строгіе выговоры отъ Государя Императора, изъ опасенія получить которые, Александръ Михайловичъ грустилъ и хмурился передъ отчетами. Однажды, при приближеніи отчетнаго времени, Александръ Михайловичъ пришелъ въ ужасъ отъ громадности цѣнъ нѣкоторыхъ предметовъ; при этомъ онъ долго кричалъ и упрекалъ лицъ, прикосновенныхъ къ распоряженіямъ, грозилъ имъ Сибирью и каторгой. Александръ Михайловичъ, несмотря на свою многолѣтнюю практику, былъ начальникомъ довольно слабымъ, въ отношеніи хозяйственной части. Самъ будучи человѣкомъ вполне честнымъ и безкорыстнымъ, онъ всѣхъ людей считалъ такими-же, почему и былъ черезчуръ довѣрчивъ. Можно прямо сказать, что если Александръ Михайловичъ не имѣлъ-бы счастья пользоваться безграничной любовью Государя Императора, то, благодаря инымъ отчетамъ по расходамъ театровъ, онъ могъ-бы подвергнуться весьма серьезной ответственности и чему былъ-бы обязанъ единственно своей снисходительности и довѣрчивости ко всѣмъ и каждому.

Глава VI.

Марья Павловна, свояченица Александра Михайловича Геденова—добрый геній его подчиненныхъ. Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, другъ А. М. Геденова, не менѣе его замѣчательный по добротѣ характера. Его необыкновенная любовь къ дѣтямъ. Вице-директоръ театра, Александръ Львовичъ Неваховичъ. Его разсѣянность и постоянно доброе настроеніе духа. Закулисный анекдотъ по поводу его разсѣянности. Простота обращенія актеровъ съ Л. В. Дубельтомъ. Его ласковость ко всѣмъ и отсутствіе гордости, присущей генераламъ старшихъ временъ. Его объясненіе съ Алексѣемъ Михайловичемъ Максимовымъ. Л. В. Дубельтъ какъ снисходительный цензоръ пьесъ. Совпаденіе фамиліи—вымышленной съ настоящей. Михайло Львовичъ Неваховичъ, острякъ и карикатуристъ. Его тщетныя попытки разсердить своего брата Александра Львовича. Палка съ фокусомъ и фокусъ съ часами. Константинъ Петровичъ Бахтуринъ. Пьесы его сочиненія. Его оригинальные: характеръ и вранье.

Нри воспоминаніи объ Александрѣ Михайловичѣ Геденовѣ, невольно приходитъ въ голову пословица: «каковъ попъ, таковъ и приходъ». Люди, близкіе Александру Михайловичу, не только не уступали ему, но чуть-ли не превосходили его добротою души. Такъ, жившая при немъ сестра покойной его жены, старушка Марья Павловна, была олицетворенная доброта. Она-то именно много и способствовала прощенію виновныхъ подчиненныхъ своего родственника, и весьма многіе изъ дѣтей поступали въ театральное училище, лишь благодаря ходатайству Марьи Павловны.

Однажды, случилось слѣдующее: войдя въ кабинетъ своего родственника, Марья Павловна застала тамъ просителя-

старика, съ двумя маленькими дѣтьми—мальчикомъ и дѣвочкою. Александръ Михайловичъ ходилъ по кабинету взадъ и впередъ *посвистывая* (что, какъ извѣстно, служило дурнымъ предзнаменованіемъ). Проситель-же каждый разъ, какъ только Александръ Михайловичъ поворачивался лицомъ въ его сторону, низко кланялся самъ и, въ то-же время, нагибалъ головы малютокъ. Марья Павловна поняла, въ чемъ дѣло. Она подошла къ дѣтямъ и начала ихъ ласкать. Между тѣмъ, Александръ Михайловичъ, остановясь передъ ихъ отцомъ, сурово спросилъ его:

— Чего-жъ вы ждете?.. Вамъ сказано...

— Ваше высокопревосходительство, проговорилъ сквозь слезы старикъ, ради Господа Бога, помѣстите сиротогъ...

— Куда-жъ прикажете помѣстить, на диванъ, что-ли?.. Пожалуй, пусть сидятъ! прокричалъ Александръ Михайловичъ, и снова началъ прохаживаться.

— Какія миленькія малютки, проговорила, какъ-бы про себя, ласкающая дѣтей Марья Павловна, а затѣмъ, обращаясь къ родственнику, добавила: Александръ Михайловичъ, ихъ нужно-бы принять!

— Эхъ, Марья Павловна! вспылилъ Александръ Михайловичъ. Вы вѣчно свое! Ну, куда-же прикажете принять, если пѣтъ вакансій?

— Можно-бы пансіонерами... начала было Марья Павловна.

— Конечно, можно, сердито перебилъ Александръ Михайловичъ, если у отца ихъ есть чѣмъ платить.

— Не только платить, ваше высокопревосходительство, такъ мнѣ и кормить ихъ не на что...

— Слышите, Александръ Михайловичъ? проговорила сквозь слезы, подоидя къ нему, Марья Павловна.

— Слышу, давно слышу, онъ мнѣ два часа толкуеть объ этомъ, хотя и прокричалъ Александръ Михайловичъ, стараясь казаться сердитымъ, но, между тѣмъ, началъ очень часто мигать, по причинѣ напрашивающихся на глаза его слезъ. Что бы скрыть ихъ, онъ подошелъ къ столу и началъ перелистывать бумаги.

На счастье сиротъ, Богъ принесъ Леонтія Васильевича Дубельта *), душевнаго друга Александра Михайловича, такого-же какъ онъ добрѣйшей души человѣка.

Марья Павловна сію-же минуту обратила вниманіе гостя на миловидность малютокъ, на ихъ, будто-бы, на лицѣ написанныя способности ко всѣмъ отраслямъ сценическаго искусства, т. е., другими словами, Марья Павловна повела атаку противъ добрѣйшаго и дѣтлолюбивѣйшаго Леонтія Васильевича, который, присѣвши *на корточки*, разсматривалъ и ласкалъ малютокъ, стараясь разсмѣшить ихъ, поводя своими большими, бѣлокурыми усами и, въ то же время, *поддакивая* Марьѣ Павловнѣ, соглашаясь со всѣми ея добрыми предсказаніями касательно дѣтей. Наконецъ, онъ спросилъ:

— Что-жъ, конечно, не забракованы?.. приняты?

— Нѣтъ, грустно отвѣчала Марья Павловна, отказано.

— Отказано? Такимъ-то красавчикамъ! воскликнулъ Леонтія Васильевичъ, поднимаясь на ноги, и, обратясь къ

*) Л. В. Дубельтъ—„шефъ жандармовъ“ и „начальникъ третьяго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи“. Должности эти перешли къ нему по смерти графа Бенкендорфа, при коемъ Леонтія Васильевичъ состоялъ помощникомъ въ обѣихъ должностяхъ. Отъ графа-же Бенкендорфа перешло къ Леонтію Васильевичу и званіе „попечителя Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся“.

Александр Михайловичу, спросил: ты, вѣроятно, не разсмотрѣлъ ихъ хорошенько?

— Вакансій нѣтъ! отрывисто отвѣчалъ Александръ Михайловичъ.

— Ну, что-жъ такое! До вакансій можно пансіонерами.

— Твоими, что-ли? спросилъ Александръ Михайловичъ, уже совершенно мягко.

— Пожалуй, хоть моими, отвѣчалъ Леонтій Васильевичъ.

Дѣти были приняты *).

Подобное случалось съ Леонтіемъ Васильевичемъ нерѣдко, вслѣдствіе чего у него бывало много пансіонеровъ, какъ въ театральномъ училищѣ, такъ и въ Демидовскомъ заведеніи. Причиною этого была необыкновенная любовь Леонтія Васильевича къ дѣтямъ вообще и къ сиротамъ, или дѣтямъ бѣдныхъ родителей, въ особенности. Таковы были родственница и другъ Александра Михайловича, таковъ-же былъ и состоящій при немъ вице-директоромъ**) Александръ Львовичъ Неваховичъ, который, кромѣ доброты и ласковости въ обращеніи, замѣчательнъ былъ еще двумя выдающимися особенностями: во-первыхъ, онъ никогда не сердился, находя это, какъ самъ объяснялъ, *«неприличнымъ для члена всякаго порядочнаго общества и*

*) Подробности, какъ вышеприведенной, такъ и иныхъ *сценъ* изъ домашней жизни директора, актеры слышали отъ своего товарища М. С. С., отецъ котораго, слишкомъ тридцать лѣтъ, былъ камердинеромъ Александра Михайловича и за свою честность и преданность пользовался неограниченнымъ его довѣріемъ.

**) Тогда должность вице-директора соответствовала нынѣшней должности начальника репертуарной части.

вреднымъ для чловѣка туччаю, «имлющаго короткую шею». Во-вторыхъ, Александръ Львовичъ никогда не любилъ отказывать никому и ни въ какой просьбѣ. О чемъ-бы его не просили, онъ, не выслушавъ даже окончанія рѣчи, по причинѣ своей всегдашней торопливости и разсѣянности, говорилъ просящему всегда одну и ту-же фразу: *«Хорошо, хорошо! Придите завтра, въ десять часовъ, въ канцелярію!»* Что могъ, то Александръ Львовичъ дѣлалъ для каждаго, но, къ сожалѣнію, исполненіе не всякой просьбы зависѣло отъ его воли.

По причинѣ разсѣянности Александра Львовича и его привычки отвѣчать одною и тою же фразою каждому просителю, за кулисами ходилъ анекдотъ, что, будто-бы, однажды, въ церкви къ Александру Львовичу подошла какая-то старушка и, низко ему кланяясь, сказала:

— Батюшка! будьте милостивы, нельзя-ли мнѣ какъ-нибудь получить мѣстечко въ царствѣ небесномъ?

— Хорошо, хорошо! Придите завтра, въ десять часовъ, въ канцелярію! отвѣчалъ Александръ Львовичъ.

Леонтій Васильевичъ Дубельтъ хотя и не принадлежалъ къ театральному міру, но былъ такъ къ нему близокъ, что, вспоминая о театрѣ, невольно вспоминаешь и Леонтія Васильевича. Актеры, даже маленькіе, до того съ нимъ освоились, что называли его просто, по имени и по отчеству, несмотря на то, что въ тѣ времена «чинопочитаніе» и «титулованіе» въ общежитіи соблюдались строго, и генераламъ была неотъемлемо присуща гордость. Но Леонтій Васильевичъ, несмотря на генеральскій чинъ и важность занимаемыхъ постовъ, былъ чрезвычайно простъ въ обхожденіи, ласковъ со всѣми и ко всѣмъ внимателенъ. Какъ образчикъ его простоты и внимательности, припомню

случай, бывший съ Алексѣемъ Михайловичемъ Максимовымъ.

На первыхъ порахъ женитьбы, однажды, жена Алексѣя Михайловича, бывши занята въ какомъ-то балетѣ, возвращаясь изъ театра, обливаясь слезами жаловалась мужу, что ее оскорбилъ Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, назвавъ на сценѣ при всѣхъ *«Натальей»*...

Алексѣй Михайловичъ, страстно еще влюбленный въ свою жену и находясь подъ вліяніемъ *медовыхъ* мѣсяцевъ, страшно *вознесодала* и, на другой день, въ уборной Александринскаго театра, при всѣхъ актерахъ, горячился, рассказывая товарищамъ о происшествіи съ его женою...

Не знаю, что говорилъ Алексѣй Михайловичъ о Леонтій Васильевичѣ, но, по прошествіи двухъ или трехъ дней, только что Алексѣй Михайловичъ, во время спектакля, вышелъ изъ уборной за кулисы, какъ къ нему подходитъ Леонтій Васильевичъ, и, поздоровавшись съ нимъ и обнявъ, отводитъ въ сторону, говоря:

— Любезнѣйшій Алексѣй Михайловичъ, намъ нужно объяснить по поводу одного недоразумѣнія. Вы считаете меня виновнымъ въ оскорбленіи вашей жены, за что хотите требовать отъ меня *«удовлетворенія»*... Прежде всего, я удивляюсь, что вы могли считать меня способнымъ на оскорбленіе, или на невѣжливое обращеніе съ женщиною. Я надѣялся, что, зная меня давно, вы могли имѣть обо мнѣ иное мнѣніе. Что же касается *«удовлетворенія»*, то, любезнѣйшій мой, я уже старъ для этого... Да и притомъ (добавилъ онъ улыбаясь), какъ шефу жандармовъ, мнѣ это не совсѣмъ прилично: моя обязанность и другихъ не допускать до подобныхъ *«удовлетвореній»*...

Сконфуженный Алексѣй Михайловичъ сталъ увѣрять, что не *удовлетворенія* хотѣлъ онъ *требовать*, но просить

объясненія, по какому праву Леонтій Васильевичъ такъ фамильярно обходится съ его женою, называя ее «*Натальей*»?

На это Леонтій Васильевичъ сказалъ, улыбаясь:

— Я понимаю ваше положеніе; вы еще не мужъ вашей жены, а любовникъ, и потому черезчуръ разгорячились и наговорили много кой-чего, чего-бы вовсе не слѣдовало... Вѣрьте, что мнѣ сообщено все, до послѣдняго слова, въ точности, и знаете что?.. прибавилъ онъ, положа обѣ руки на плечи Алексѣя Михайловича, — примите добрый совѣтъ старика: будьте повоздержнѣе на выраженія даже и въ кругу товарищей... Что касается оскорбленія вашей жены, то его вовсе не было и никогда не можетъ быть съ моей стороны. Жена ваша ошиблась — не дослышала. Всему причиною наша военная манера: говоря, дѣлать удареніе на началѣ фразы и *съдѣть* окончаніе. Дѣло было такъ: я стоялъ на одной сторонѣ сцены, а жена ваша — на другой; я, желая съ нею поздороваться, окликнулъ ее слѣдующимъ образомъ: «Наталья Сергѣевна!», причеъъъ Леонтій Васильевичъ произнесъ «*Наталья*» громко, а «*Сергѣевна*» гораздо тише, такъ что на такомъ разстояніи, какъ сцена Большаго театра, нельзя было слышать.

Дѣйствительно, въ тѣ времена, какъ у Леонтія Васильевича, такъ и многихъ военныхъ была манера говорить подобнымъ образомъ.

И такъ, дѣло окончилось миромъ, при заключеніи котораго Леонтій Васильевичъ сказалъ:

— Но, все-таки, считаю своимъ долгомъ извиниться передъ вашей женою и передъ вами, что, хотя вовсе неумышленно, былъ причиною вашего огорченія...

Въ то время, какъ извѣстно, театральная цензура, какъ и вся вообще, была очень строга. Многія изъ пьесъ (за-

служающих по чему-нибудь особеннаго вниманія) изъ цензурнаго комитета пересылались на разсмотрѣніе третьяго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Леонтій Васильевичъ, бывши начальникомъ этого отдѣленія, много способствовалъ не послабленію цензуры, но прохожденію пьесы на сцену, тѣмъ, что давалъ совѣты авторамъ измѣнить что-либо въ пьесѣ, или *уръзать*. Такъ, однажды, Петръ Ивановичъ Григорьевъ написалъ какую-то большую пьесу, которую цензура просто-на-просто запретила. Петръ Ивановичъ обратился къ Леонтію Васильевичу, который и потребовалъ пьесу на разсмотрѣніе. Черезъ нѣсколько дней, авторъ, являсь узнать рѣшеніе своей участи, засталъ Леонтія Васильевича собравшимся ѣхать изъ дому. Возвративъ пьесу автору, Леонтій Васильевичъ далъ совѣтъ измѣнить нѣкоторыя сцены, обнадеживъ, что тогда она будетъ дозволена къ представленію. Между прочимъ, совѣтовалъ также перемѣнить фамилію одного изъ дѣйствующихъ лицъ, потому что подъ такою фамиліею существуетъ въ натурѣ лицо довольно извѣстное. Авторъ сталъ возражать, что измѣнить фамилію трудно, такъ какъ пьеса въ стихахъ, которыхъ изъ за фамилін много придется передѣлывать.

— Э! полноте! сказалъ Леонтій Васильевичъ; развѣ нельзя придумать фамилію, которая, подходя подъ ритмъ и подъ рифму, въ то-же время, никому-бы не принадлежала?

Этотъ разговоръ происходилъ между ними, когда они спускались съ лѣстницы.

Авторъ доказывалъ, что невозможно *сочинить* русской фамиліи, которая не существовала-бы въ натурѣ.

— Вздоръ, вздоръ! возразилъ Леонтій Васильевичъ; хотите, я приберу вамъ цѣлую сотню?

— Сдѣлайте милость!

Леонтій Васильевичъ подумалъ и сказалъ съ торжествующимъ видомъ:

— Да вотъ вамъ и созвучна вашей, и также рифмуется, и ручаюсь, что въ натурѣ не найдется — «*Льстницынъ*».

Это произнесъ Леонтій Васильевичъ, спустясь съ послѣдней ступени и подойдя къ выходнымъ дверямъ, у которыхъ какой-то старикъ подалъ ему какую-то бумагу.

— Что это? спросилъ Леонтій Васильевичъ, принимая бумагу.

— Всепокорнѣйшая просьба, ваше высокопревосходительство.

— Званіе и фамилія? снова спросилъ Леонтій Васильевичъ, пряча бумагу въ карманъ.

— Отставной унтеръ-офицеръ *Льстницынъ*, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ проситель.

Леонтій Васильевичъ засмѣялся и сказалъ автору:

— Вы правы: русскую фамилію сочинить нельзя. Оставьте въ пестѣ, не передѣлывая.

Припоминается и еще лицо, не принадлежащее къ театру, но весьма къ нему близкое, это — Михайло Львовичъ Неваховичъ *) (братъ вице-директора), который былъ очень замѣчательнъ по своей оригинальности, остроумію и, въ особенности, какъ ѣдкій каррикатуристъ. Въ своихъ карриатурахъ онъ не щадилъ даже и роднаго брата, лице котораго очень часто являлось то въ видѣ солнца, то полной луны (Александръ Львовичъ лице имѣлъ круглое, бѣлое, начисто выбритое, и притомъ онъ былъ совершенно лысъ, такъ что на рисункахъ брата выходилъ всегда очень похожъ и чрезвычайно эффектенъ). Александръ Львовичъ за это не обижался, а только просилъ брата не

*) Онъ издавалъ карриатурный журналъ „Ералашъ“.

трогать его *чиновныхъ* сослуживцевъ по театру; но просьбы эти не всегда уважались; такъ, напримѣръ, одно время, за кулисами имѣло большой успѣхъ изображеніе лица, завѣдывавшаго хозяйственной частью, ѣдущаго верхомъ на своемъ помощникѣ, погоняя его плетью, съ надписью: «*пошелъ въ Сибирь!*» Или была карриатура такого содержания: на фонарномъ столбѣ, возлѣ Александринскаго театра, висить въ петлѣ «дежурный членъ» *) К., подлѣ котораго стоитъ тестъ его, протоіерей С., и играетъ на шарманкѣ; внизу написано: «*веселая кончина послѣ честной, трудовой жизни.*»

Михайло Львовичъ и наружность имѣлъ очень оригинальную, — нисколько не походилъ на своего брата. Онъ былъ выше его ростомъ, худощавъ, носилъ остроконечную бороду и длинные, вьющіеся, черные волосы, причемъ его блѣдное лицо имѣло еврейскій типъ. Неваховичи родомъ бѣлоруссы, но Михайло Львовичъ, при всякомъ случаѣ, бывши въ компаніи вмѣстѣ съ Александромъ Львовичемъ, всегда пресерьезно увѣрялъ, что они чистокровные евреи; это дѣлалось единственно съ цѣлью разсердить своего брата, но труды оставались тщетны. Напрасно Михайло Львовичъ пѣвалъ очень часто *свою* (какъ онъ выражался) *національную* пѣсню:

„Якъ пріѣхаль жолнеръ
До жида въ аренду“...

Александръ Львовичъ былъ вѣренъ себѣ: зная, что ему сердиться «неприлично» и «вредно» — и не сердился...

*) Такъ назывался чиновникъ, дежурившій въ театрѣ для повѣрки сбора; дежурство это было 'безсмѣнное, почему и служило источникомъ большихъ злоупотребленій, о коихъ припомню въ свое время.

Съ Михайломъ Львовичемъ случались иногда очень комическія сценки. Въ одно время, когда по Высочайшему повелѣнію строго преслѣдовались трости со шпагами и кинжалами, вошедшія ужъ черезчуръ сильно въ моду, Михайло Львовичъ ходилъ съ неимовѣрно толстою, суковатою палкою, съ большимъ серебрянымъ набалдашникомъ. Однажды онъ, во время антракта, пилъ чай въ буфетѣ Александринскаго театра; палка стояла за его стуломъ. Дежурный квартальный надзиратель, зашедши въ буфетъ покурить, увидя трость Михайла Львовича, былъ пораженъ ея толщиною и не сводилъ съ нея глазъ. Долго онъ любовался ею издали, наконецъ, не выдержалъ, подошелъ поближе и обратился къ Михайлу Львовичу съ вопросомъ:

— Эта замѣчательная палочка, вѣроятно, ваша-съ?

— Моя-съ, отвѣчалъ тотъ небрежно.

— Очень, очень замѣчательная, повторилъ квартальный, дотрогиваясь до палки.

— О, да-съ, она презамѣчательная-съ, отвѣтилъ Михайло Львовичъ, прихлебывая ложечкою чай, не оборачиваясь къ квартальному, который, пользуясь этимъ случаемъ, будто разсматривая палку, самымъ старательнымъ образомъ нажималъ и вертѣлъ во все стороны набалдашникъ, вѣроятно, надѣясь найти въ палкѣ, судя по ея толщинѣ, не только кинжалъ, или шпагу, но цѣлый палаши. Наконецъ, видя, что все труды тщетны, онъ очень сладко и вкрадчиво обратился къ Михайлу Львовичу:

— Вы изволили сказать, что палочка очень замѣчательна, чѣмъ-же-съ? смѣю спросить.

— Да развѣ вы сами-то не видите-съ? спросилъ, въ свою очередь, Михайло Львовичъ, подражая тону квартального.

— Да-съ, конечно, вижу-съ, но... квартальный нѣсколь-